

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ

РЕГИСТР

Максим Максим Владимирович

РЕГИСТР

«Издательские решения»

Максим Владимирович М. В.

РЕГИСТР / М. В. Максим Владимирович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850169-2

Воспоминание о группе, не существовавшей в каталоге, и её бессменном создателе, авторе почти всей музыки, поэте, инженере. Которого не помнят даже бывшие коллеги по институту дизайна. Путь от студента факультета строительного дизайна до человека с разбитыми идеалами, сменившего две семьи, две работы, и даже две религии. Приверженец анонимного искусства, он не оставил никаких архивов. Кто он был? Да и был ли на самом деле? Может это только сон, навеянный злым гением жаркого полудня? Кто знает...

ISBN 978-5-44-850169-2

© Максим Владимирович М. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Начало	8
Середину пути ты попробуй пройти, не запятнав своих ног, не испачкав души...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

РЕГИСТР

Максим Владимирович

Иллюстратор Максим Владимирович

© Максим Владимирович, 2017

© Максим Владимирович, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0169-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Воспоминание о группе, не существовавшей в верифицированном каталоге легенд рок-музыки в стране советов, и её бессменном создателе, авторе почти всей музыки, поэте, инженере. Которого не помнят даже бывшие коллеги по институту дизайна. Путь от студента факультета строительного дизайна до человека с разбитыми идеалами, сменившего две семьи, две работы, и даже две религии. Приверженец анонимного искусства, он не оставил никаких архивов. Кто он был? Да и был ли на самом деле? Может это только сон, навеянный злым гением жаркого полудня? Кто знает, как бы обернулась судьба для создателя группы, будь он жителем капиталистической страны, или же хотя бы гражданин одной из социалистических демократий, типа ПНР и ЧССР?

Семидесятые уже стали какой-то странной древностью, не существовавшей в настоящем, но растворившейся в мире иллюзий и воспоминаний. Иллюзии одних, кого тогда не было и в проекте, даже в мыслях, мерно перемешаны с воспоминаниями очевидцев. Но память человека штука любопытная – стараясь вытеснить всё плохое из своего прошлого, заменяя его на то хорошее, каким бы минимальным, призрачным, оно не было в действительности. Постепенно, хотя это было всего лишь сорок лет назад, семидесятые стали такой же иллюзией и мифом, как допустим, 1822. Или 984. Вот в этом самом времени и было странное, непохожее на другие формы самоорганизации трудящихся, ВИА, как тогда назывались музыкальные коллективы, ВИА Регистр. Сначала это был всего лишь полущуточный, собранный по чистой случайности коллектив, которому пришлось заменить неожиданно заболевших музыкантов старших курсов. Старшекурсники должны были ехать в Таллин, на молодёжный музыкальный фестиваль имени какого-то очередного борца с угнетателями, который и знать не знал о своём фестивале. Единственной движущей силой этого коллектива, был Александр Совин. Регистр, полный весьма разноплановых личностей, имевших противоположные взгляды на действительность (от нео-марксизма до анархо-фашизма), нахлынувших тогда в тихий и только что созданный институт технического дизайна, под эгидой столичного НИИ всесоюзного значения, а также совершенно посторонних людей, был тоже своего рода лакмусовой бумажкой интеллигенции. Лирики ещё не сменили томики поэзии (кто скромнее – свои, кто наглее – чужие) на калькуляторы и пиджаки жутких расцветок. Физики тоже ещё не перемёрли от неожиданно упавшей им в руки свободы. И часто можно был встретить странных типов, вроде поэта-слесаря, философа-сантехника, переводчика запрещённой литературы, подрабатывающего сторожем и разнорабочим.

Многие из них жили в центральной части города, кто в своём жилье, либо в общагах, «фрунзенках», никто уже не помнил, почему так называли трёхэтажные щитовые дома, но разный социальный уровень был достаточно сильно нивелирован. Кроме «Дворянской слободы» и «Еврейского квартала», живших своей замкнутой средой, да домов Профинтерна и Горсовета, квартала небожителей той эпохи, жители центрального квадрата города, составленного Харитоновкой на севере, Восточной на востоке, Сибирским на юге и Успенской на западе, во многом были продуктом удивительного симбиоза. С одной стороны – они многое переняли у советской действительности, сами того не замечая, с другой – они всей душой и часто телом стремились попасть на столь загадочный и чудный Авалон.

В среде гуманитарного единомыслия сформировался тот пласт людей, что перевернули сначала пространство вокруг себя, а затем изменили и музыкальные вкусы целой страны. Однако, они отличались от последующих поколений, ведь даже при наличии противоположных взглядов никто никого убивать не собирался, даже ругались зачастую не переходя на личности. Одним из таких вершителей и был Александр Совин, Сова, студент, инженер-дизай-

нер, поэт и музыкант. Опредив время, они тем не менее не стали популярны и после распада группы. Стали тенью, видением, странным и непохожим, пугающим обыкновенного человека. Если бы у них появилась возможность заново пережить свою жизнь, кто знает, ступили бы они снова на тот же тернистый путь музыки? Человек зачастую обладая выдающимися способностями прозябает в неизвестности и полном забвении, и только после смерти может обрести уже совершенно ненужную славу. Но были бы такие шаровые молнии человечества, окружённые почётом и уважением, теми же самыми непохожими на других явлениями культуры и социума? Вряд ли.

Итак, все расселись на своих местах, приготовились внимать предстоящему концерту, свет под потолком, изрисованным золотистой краской погас, как солнце в осеннем лесу, смолкли звуки, шепот, покашливание. Все зрители расселись, предвкушая премьеру. Луч прожектора вычертил круг на середине сцены, куда словно бы из ниоткуда вышел конферансье, что объявить

Начало

– Был ли Саня моим другом? Да, мы учились с ним в одной школе, но плотно не общались, он на два года был старше. Два года разницы тогда были не тем же самым, что является собой сейчас возрастные различия учащихся школ, колледжей, гимназий, училищ и прочих средних и средне-специальных учреждений. Мы общались, но опять повторюсь, не плотно, так, вскользь. Он играл в школьном ансамбле, «Пугачёв», а я только мог мечтать о таком положении, хотя уже в свои пятнадцать был неплохим гитаристом. Через «Пугачёв» прошли многие музыканты нашего города – Макс, Сашок, Гиря, я, спустя год, Левка. Но Саня Совин был особенным. Во-первых, я впервые увидел двенадцатиструнную гитару именно у него, на выпускном, его выпускном, когда меня уже впустили в состав «ВИА Пугачёв», как тогда именовался школьный ансамбль. Не знаю, откуда он взял струны для своей балалайки, что делали на нашем развесёлом заводе, но звучали они не хуже чем у Клэптона. Андрей, не Логинов, Журавский, он почти на четыре года младше Совы был, и на два года младше меня, тоже крутился весь вечер возле старших. Именно тогда, незадолго до концерта, впервые притащил Жура в нашу подсобку, обиталище школьных радиолюбителей и любителей западной музыки, запись, откровенную, на костях, самого Джимми Рида, и надо сказать, Саня, послушав пласт один раз, запомнил все ноты, и выдал запись целиком на прощальном концерте. К сожалению, мало кто мог воспринять все его старания, из-за низкого качества колонок и общего шума.

Я потом провожал его до дома, за нами увязался Андрей, они в одном доме жили. До этого, надо заметить, я никогда не бывал ни у одного из них. А тут, или от нахлынувшей сентиментальности, или от общей теплоты, любви ко всему живому, увеличенной бутылкой портвейна, Саня пригласил нас к себе. Жили они, Совины, в трёхкомнатной квартире, большой, просто огромной мне тогда показалось. Я-то жил в двухэтажном бараке на Маркса, его уже снесли, в двух комнатах пять человек. Отец, мать, я, сестра и бабка. Сова жил по-царски! У них ещё балкон был, а также не знаю уж как, но родители его сумел хитро огородить часть площадки, они на пятом этаже жили, и получилась отдельная прихожка. Саня жил на балконе, его утеплили, и даже зимой можно было нормально жить. Родителей дома не было, сестра уже спала, как он нам тихо сообщил. Потому мы пробрались на кухню, сняв обувь в прихожей. Там Саня достал бутылку Кокура, отцовский, наверное, и поставил три гранёных стакана. Встав во весь свой рост, а он и тогда был высоким, нескладным, с торчащими длинными патлами под битлов. Стоит он перед нами, сопляками, держит стакан в руке, с налитым отцовским Кокуром и торжественно так молвит.

– Выпьем, други, за то, что наше братство привело нас к общей цели! – Он немного напыщенно продолжал, но если честно я дальше не очень запомнил его речь. Пьян был и устал. Андрей потом что-то пытался записать, он сейчас говорит, Саня впервые на людях свои стихи читать тогда попытался. Печатать-то его уже печатали, и в Костре, и в Зорьке, и даже наш толстый местный журнал, Чусовой, напечатал как-то его странноватую поэму-фантазию, на тему человек и архитектура. Он с седьмого класса решил стать архитектором, как родители Боба. С Бобом его свела школьная учительница алгебры, тётка Боба. Но поскольку он тоже был пьян, ничего от той ночи почти и не сохранилось. Вот разве что этот отрывок.

*Человек подобен крану, что
Поднимает груз в пустоте*

*Чужих планов.
Ты, человек, подними себя на постамент, найди свою роль,
найди себя.*

Он потом это использует в своей немного пугающей оратории «Каменщик», спустя почти десять лет, конечно, более развёрнуто и глубже, но вот эта часть сохранилась без изменений. Во второй части нашего заседания, после цитирования стихов, мы перешли к обсуждению наших общих знакомых. И в самый подходящий момент, когда кто-то заикнулся про Светку Антипову, мою одноклассницу, красавицу, она уже лет десять как померла от наркоты, в квартиру вошли родители Сова.

Я по обычаю приготовился делать лыжи, как и Андрей, но родаки у Сова были люди понимающие. Отец только вздохнул, когда увидел, что мы его бутылку выпили, и спросил.

– Вы хоть закусывали, мушкетёры?

Мы дружно покачали головами. Тогда он полез в сумку, что принёс и достал помидоры собственной мариновки. Вот такой отец у него был. Совина мать нас не беспокоила, сразу ушла к себе. А отец только помидоры выдал и тоже исчез. Андрюха слегка был шокирован таким поведением, но виду не подал. Я тоже смолчал, потому, как был готов вынести ругань и тумачи от старшего поколения. А Саня, знаете, что сделал Саня? Он виновато немного пожал плечами, встал из-за стола, и немного заикаясь, покраснев от вина и смущения, сказал.

– Мне надо перед родителями объясниться. Вы побудьте тут пока, только тихо.

И вышел. Мы остались на кухне одни. С помидорами и вином.

Тимофей Погарок, архитектор, директор издательского дома, в прошлом – музыкант.

«Для меня, парня из окраины, поступившего на факультет дизайнера промышленных строений только благодаря протекции Иосифа Яковлевича Борсева, моего школьного учителя и завуча нашей школы, институт был другой планетой. Иосиф Яковлевич, считавший, что я хороню талант конструктора за зарисовыванием парт похабными картинками, попросил своего друга и соседа по площадке, Ивана Никитовича Лунина, декана факультета, только пять лет назад открывшегося, посмотреть мои работы. И меня взяли, без экзаменов. Все эти тихие домашние мальчики были объектами для насмешек или даже преследования и битья. А девицы.... Впрочем, я снова отклонился от темы. Когда я впервые встретил Сова? Это был где-то первый курс. Вернее у меня это была первая сданная сессия, ни одной тройки,

только одна четвёрка, что следовало получение стипендии, которую я уже решил прокутить в Корытце. Мой дружок тогдашний, Севка, второкурсник, он уже в Израиль укатил недавно, пригласил меня послушать странную команду старшекурсников. Они играли какой-то арт-рок, как сказал Севка, местные Песняры, смешанные с Рамонес, залитые сверху Махавишну Маклафлином и припудренные Пинками. Я сказал, ок, пошли. Пришли мы в актальный зал института. Кстати, сейчас его уже нет, сейчас на том месте, где стоял наш актальный дылду выстроили тридцатизэтажную. Ну, да ладно не о том речь. Актальный зал располагался в бывшей усадьбе одного местного купца-золотопромышленника. Тот был фанатом музыки, и хотя сам ни на чём играть не умел, приглашал к себе лучших музыкантов не только из города, но и из центральных губерний, столиц, и даже заграничные скрипачи и пианисты у него гостили. Вижу, вижу, короче говоря, хотя с момента постройки прошло не менее ста лет, акустика там была, ого-го-го! Приходим мы с Севкой, а музыканты, их трое было, уже расселись, так чинно, благородно. Ну, я надо вам сказать ещё тот гадёныш был, решил освистать этих эстетов. В нашей среде, я же на Электромоторном вырос, сами понимаете, эстет было синонимом п...са. В зале сидело человек тридцать, в основном девицы, самого типичного ботанического вида, в очках или такие утончённые тургеневские девушки, у которых от вида голой мужской груди, или вид мышонка живого припадок случиться может. Были музыканты под стать публике, одетые вычурно, в какие-то костюмы с отливом, бархат, наверное. Пианист, клавишник, тощий невысокий очкарик, с длинными волосами, походил на девку, только что вышедшую из парикмахерской. Второй гитарист, темноволосый, плотный, если не сказать жирный, усатый парень, держал невиданную мной до того времени двухгрифовую гитару, явно импортную. Она вся так и блестела, играя отражением лучей от софитов, включенных для пафоса, как я полагал. Гитарист, высокий худой парень со смешным жабо, так демонстративно отодвинул свой пюпитр, полистал там чего-то, прокашлялся и неожиданно резко ударил по струнам. Когда они уже перестали играть, и ушли за кулисы, как и все зрители, я всё ещё сидел, открыв рот. Севка меня растолкал, и я сказал ему, как сейчас помню. «На...ь, на всех этих Песняров, и прочих битлов, бабских заводилок, вот эти вот круче всех!». Хоть прошло уже три десятилетия, но я и сейчас под этими словами готов расписаться. Тогда я твёрдо решил, попаду в их команду, даже если придётся стать эстетом! Ну, вы понимаете, что я имел в виду. Не слушая Севку, я прошёл за кулисы. Клавишник убирал свой инструмент в кофр, второй гитарист протирал своё сокровище тряпочкой, словно ребёнка. А тот, кто пел, стоял, нервно раскачивался из стороны в сторону. Лицо у него было злое и угрюмое, покрытое следами сыпи. Он меня заметил и несколько растеряно поморгал. Севка пытался как-то суетиться говорить, что вот этот вот первокурсник, играет тоже. Я просто подошёл и протянул руку. Сова, я ещё не знал, что это он, пожал мне её, словно во сне. Рука у него была влажная, сильная, с тонкими пальцами, как у пианиста. Я ему сказал – хочу играть с вами! Они переглянулись, клавишник скорчил рожу, второй гитарист пробормотал что-то несколько обидное, но я выдержал и смотрел только на Сову. Тот промолчал, не отводя глаз, а затем поступил совершенно неожиданно, как всегда неожиданно поступал потом во многих ситуациях. Он протянул мне свою гитару. Ещё тёплую от его рук, к тому же, переделанную под левую руку. Это был настоящий чешский двенадцатиструнный монстр Иоланта, модель уже не помню. Но точно лучше моего деревянного полена, купленного на барахолке. Я просто не мог поверить, что мне дадут такое сокровище просто так, чтобы посмотреть меня в деле! Сова усмехнулся, похлопал по плечу, он тогда был выше меня на голову, впрочем, всегда он был выше меня. Голос у него был немного хриплый, но тёплый.

– Сыграй, например, Вчера.

Я скривился, но поскольку жалостливый скулёж Пола трогал девочек, помнил её наизусть. Пока я играл и довольно гнусаво выводил не слишком, как сейчас понимаю, верные слова, никто не проронил ни слова. Когда я закончил терзать чешку, и с жалостью протянул инструмент обратно. Сова поднял свою ладонь, улыбнулся, и сказал, тихо.

– Возьми себе. Тебе надо ещё подучиться играть, кое-где мажешь мимо. В субботу придёшь, покажешь, что поправил. А ещё посмотри классическую пьесу Райнхарда Облака.

– А ты?! – Клавишник первым подал голос после некоторого замешательства. Сова усмехнулся.

– Возьму у Петровича реквизит. Всё равно его надо разносить, перед гастрольями.

В этом был весь он, таким всегда был. Вы можете мне теперь не верить, но это сушая правда! Он отдал мне, сопляку, которого не знал, инструмент, стоивший годовую стипендию! Севку кое-как знали, он-то тоже брэнчал немного, но так и не стал лабухом, как я или Джеки, другой мой сокурсник. Но я совсем им чужой был, и совершенно незнакомый никому в институте, за исключением своей группы и куратора! С хорошей стороны никто меня не знал. Даже моя будущая жена».

Из интервью Николая Найка Никитовского, гитарист «Проект Н», музыкальный продюсер и издатель, для журнала «Ровесник-Р», февраль 94.

СтрАхИн

*Ты хочешь работать за сто целковых,
Ты хочешь просидеть всю жизнь в конторе,
Ты любишь читать старые бредни,
И терпеть, что тебе тыкают в нос экскременты?*

*Ты хочешь стать рабом,
И получить диплом пустого места?
Хочешь быть болтливым, хвастливым,
Нищим и ненужным?*

*Но это очень просто,
Устроить может каждый,
Своей семье веселья,
Ступай-ка друг в СтрАхИн!*

*Ты бредишь о богатстве, культуре и Монмартре,
Ты хочешь жить в достатке, и импортные шмотки
Терзают твою душу, как змей Адама с Евой,
В одном фруктовом саде, много лет назад?*

*Ты жаждешь ставить подпись, обедая в Копытце,
или, на танцы в Прагу по средам приходиться?
Встречать в Кольце блондинку, столичную актрису,
Которой ты отвалишь пять сотенных за ночь?*

*Желаешь быть красивым, счастливым,
И желанным, уверенным и грозным,
и жаждешь славы вечной,
Среди обкомских крыс?
Тебе расскажем все мы, что это не проблема,
Тебе дорога прямо в наш славный институт!
Что спрятался за почтой, и сонно ожидает, когда
Придешь с поклоном, и на коленях будешь комсорга умолять!*

*Будь тут ты реалистом, а может и фанатом,
Наивным идиотом, и ушлым подлецом,
Лжецом и подпевалой, артистом, маляром.
Никто тебя не спросит, никто не приголубит.*

*Ведь в СтрАхИн по традиции никто тебя не учит,
И формулами мучить не станет препод злой,
Готовят только корпус, пустой и неуклюжий,
А заполнять свой корпус ты должен будешь сам.*

*И очень часто люди свой корпус наполняют
обмылками и тиной, а не святой водой.
Понять я смог всё это только лишь недавно,
Когда и сам колени согнул перед СтрАхИн!*

– Когда я встретил Саню в институте? Да, наверное, ты прав, прямо в первый день знакомства с взрослой жизнью. В смысле, в первый день абитуриентской жуты. Он-то не переживал, всё сдал сразу. А вот я боялся. И не зря боялся, если бы не мои заслуги в мире бокса, не поступил бы я тогда на стройфак. Кстати, потом нам очень пригодились мои навыки, когда гопники из Мельковки нас выгнать пытались с репетиционной базы на озере. Саня подсел ко мне на подоконник, где я нервно грыз ногти.

– Не психуй, всё нормально будет. Меня Саня зовут. Совин.

– Андриянов. Сергей. Можно Эндрю.

Мы пожали друг другу руки. Я тогда ещё заметил – странное дело, никогда он не производил впечатление сильного человека, скорее сублильный и типичный подвид студента, по версии некоторых недалёких журналистов и режиссёров. Такой Шурик, только без очков. Но рука у него была сильной, хоть и пальцы были тонкими, как у пианиста. Это я потом узнал, он руки специальной техникой, из йоги тренировал, чтобы играть быстро на двухгрифовой гитаре. Но это было много позже, на втором семестре. А пока мы, два вчерашних школьника, теперь абитуриенты, и ещё не студенты, сидели на подоконнике и пялились на весь мир. На летнюю улицу, по которой деловито сновали старые троллейбусы и автобусы, только появились красные Икарусы. По улице Меринга ходили толпы девушек, тут ведь сразу три вуза – театральный, консерватория и наш. Ах, да, ещё за кварталом университет. И корпус медицинского института, педиатрический. Наблюдая за красавицами и простушками, мы вели ленивый разговор. Если спросить меня, что вы обсуждали, то я, пожалуй, не смогу толком ответить вам. Ни о чём и обо всём сразу. Пролетело время быстро, и пока мы, как сейчас помню, стали обсуждать последствия Пражской весны, как начали вывешивать списки. Будучи самым высоким из всей абитуры, он, не распахивая других, прочёл первые шесть строк. Вслух. К чьей-то радости и чьему-то огорчению. Даже слёзы были. Помню одна девушка, из деревни наверно прибыла в город, очень просто одетая, если не сказать бедно, в слезах убежала. Я-то в первых рядах был, но моей фамилии не оказалось, к чему я в общем-то был готов, мрачно подумав, что зря я подал документы сюда, надо было на факультет физической культуры, в педагогический.

Но вот только я, плюнув, развернулся, чтобы последовать за несколькими такими же горемыками, решив напиться в той самой полулегальной рюмочной, которую он в своей песне вывел под названием «Привилегия». Про неё ещё будет, что рассказать, но это потом. Сразу же Саня меня останавливает, схватив за плечо, несколько фамильярно, я тогда полагал. Потом, позже, уже понял, он сразу понимал человека, раскладывал, можно ему доверять или нет. Саня посмотрел на меня, и сказал, тоном, не предполагающим отказа и какого-либо сопротивления с моей стороны.

– Пошли! Пока они не подбили списки. У тебя ещё есть шансы, сам говорил, кандидат по боксу.

Пошли мы в конец коридора, в кабинет, где сидела комиссия, её в тот год возглавлял Коринф. Очень хороший преподаватель, его так называли ещё до создания института, он в политехническом работал и в управлении по строительству. Был помешан Александр Игоревич на древнегреческой архитектуре, и всё время доводил студийцев до иступления своими требованиями. Однако особой злобы и ненависти к нам он не испытывал, скорее наоборот, желал, чтобы мы как можно скорее стали настоящими строителями, архитекторами, дизайнерами, с широким профилем и обширным багажом знаний. Заходим мы туда, никого не спрашивая и не говоря, что впрочем тогда не вызывало каких-либо гневных отповедей. Видим картину, посредине большого и светлого кабинета, ещё не заваленного бумагами, стоит, как античная статуя, Коринф и что-то втирает женщинам, разбирающим бумаги поступающих, либо не поступивших, кто знает. Несмотря на свои шестьдесят, тогда нам он стариком казался, выглядел он действительно бесподобно, настоящая копия Геракла. Атлет, до самой трагической смерти, его сбили на Баумана, был примером для подражания даже членам спортивного «крыла» института. Саня, кашлянув, заставил Коринфа обернуться. Тот недовольно посмотрел на нас и спросил своим низким, немного грассирующим голосом.

– Что вас привело сюда, молодые люди? Это помещение не для вас, все вопросы, касающиеся поступления можете уточнить в кабинете 303, у Людмилы Ивановны.

– Извините меня, но вот этот человек, – Саня силком выпихнул меня на передний план, – не смог пройти. Не получил нужные показатели на вступительном экзамене.

– Ну, такое бывает. Не всем быть инженерами и строительными дизайнерами. Подробности в кабинете 303, покиньте помещение, молодые люди.

– Нет, не покинем! – Саня резко выпятил подбородок, и встал, словно приготовившись к бою.

Женщины переглянулись, с интересом рассматривая нас, Коринф нахмурился, сложил руки на груди.

– Странно, странно. Впервые вижу такого нахального студийца. Или вы тоже не поступили?

– Поступил. А вот он, – Саня ткнул меня в бок кулаком, – не поступил! У него, между прочим, первое место по юниорскому в прошлом году было по боксу. И в этом второе по республиканскому соревнованию! У вас много таких молодых спортсменов поступает?

Коринф посмотрел на меня, впервые с момента нашего вторжения. Глаза у него были серыми, нос крючковатый, как у хищной птицы, губы тонкие и постоянно сжатые. Лицо худое, с признаками первого увядания, хотя повторяю, было ему уже шестьдесят тогда. Он спросил у меня.

– У кого занимался? Грамоты с собой?

Я молча покачал головой, откуда мне было знать тогда, что награды и все эти бумаги надо упоминать при подаче документов?! Он хмыкнул, и только хотел что-то произнести, Саня его перебил.

– А вы позвоните его тренеру! Скажи его имя и номер телефона!

Это уже ко мне он обращался. Я едва разжал челюсть и пропищал, к смеху сидевших женщин.

– Игорь... Игорь Федорович... Телефон, номер телефона его 24—13...

– Знаю, знаю я Пашутинского. – Коринф меня оборвал, подошёл к столу и быстро набрал номер.

Некоторое время он молчал, затем видимо кто-то взял трубку.

– Здравствуй, Игорь. Это тебя беспокоит... А узнал! Слушай, у меня тут человек при-топал, который вроде бы у тебя занимался, но бумаг никаких с собой не принёс. Какая фамилия?

Я не сразу понял, что он ко мне обращается. Саня нашёлся сразу.

– Сергей Андриянов! – Выпалил он моё имя так громко, что возможно Пашута, как любовно называли мы нашего тренера, услышал его на ом конце провода. Коринф что-то крикнул, услышав быстрый гул в трубке, покивал головой, усмехнулся, глянул на меня, затем сказал.

– Спасибо, Игорь. Хорошо, приму меры. Всего хорошего, Ирине привет передавай.

Положив трубку, он уставился на меня, уже не так грозно, как прежде.

– Спасибо скажи другу своему, и моему другу, твоему тренеру. Благодаря дружбе ты поступил.

И всё, затем повернулся к женщинам и продолжил что-то нудно обсуждать. Мы переглянулись, и тихо вышли из кабинета.

Уже в коридоре я остановился, схватил Саню за руку и крепко её пожал. Тот посмотрел несколько удивлённо, смахнул чёлку со лба, затем спросил, несколько невнятно. Он ведь при всём своём росте и амбициях был человеком скромным, тихим, как бы вам не было странно это слышать.

– А ты на гитаре играешь?

Из интервью С. Андриянова, музыканта, архитектора, создателя фонда помощи старым спортсменам.

– Мы ведь не были никогда полноценной группой. Никогда. Это было всего лишь увлечение, выход энергии. Кто-то находил себя в алкоголе, кто-то в погоне за новыми ощущениями в экстремальной жизни, кто-то заикливался на женщинах, кто-то на наркотиках. Сказать, что ничего из этого не было в нашей жизни, я не могу на сто процентов. Даже Саня точно знаю,

пробовал уйти по радуге. Но ему не понравилось. Возможно, имей он большой опыт в познании достижений определённого отдела в фармацевтике, либо старинных восточных способах одурманивания, для познания тайных знаний, тогда его итог не был бы таким. Таким. Ладно, не будем ворошить старое, и забегать раньше времени.

Я поступил не совсем обычным способом. После армии, где провёл четыре года, служил в части, ответственной за инженерное обеспечение запасного командного пункта нашего округа. Время летело медленно, работы было мало. Разве что осенью на уборку картошки. Дослужился до сержанта, остался на сверхсрочную. Почему? А куда мне было идти? Я же из детдома, бабушка у меня к тому времени умерла. Впахивать на заводе, как отец, что и привело сначала к его кончине, а затем и к смерти матери, не выдержавшей нагрузки? Нет, я не хотел такого исхода! Сестры к тому моменту уже выросли, сами вышли замуж. Мне идти некуда было. А после армии идти в милицию.... Знаете, тогда такого отношения к органам правопорядка не было, но у меня был зуб на синие мундиры. Они ведь отчасти виноваты в смерти родителей. Потому и не желал я идти в их контору. А больше идти некуда. В армии же было интересно. Поскольку это был запасной командный пункт, тут была хорошая библиотека. Один из офицеров, лейтенант Ахметзянов, был тут не по призыву, не по призванию, а как говорят, «пиджак». Он закончил строительный факультет, и не успел устроиться никуда, из-за не очень успешной учёбы, потому и попал на два года в нашу часть. Однако, как бы плохо он не учился, знаний у него всяко было больше, а от скуки, и отчасти из-за должности, стал нам, трём старикам, преподавать основы своей профессии. Он отвечал за сооружение новых зданий – гараж для грузовиков и новой казармы, и боялся, что солдаты по незнанию напортачат и отвечать ему придётся. Ещё он видимо от скуки и тупости службы пытался, таким образом, от спаивания уйти. Он же мне и подарил первую книгу по строительному дизайну, выпущенную моим будущим руководителем диплома, Колпиным Александром Степановичем. И вот на четвёртый год службы поразила меня идея пойти в институт. Ведь я мог попасть туда и так, по спецнабору. Но мне хотелось проверить, смогу я обойти мальчиков и девочек, вчерашних школьников? Ахметзянов тогда уже отбыл, на новую должность, им неожиданно заинтересовались в строительном управлении. За два года он по его собственным словам из троечника превратился в твёрдого хорошиста. Перед прощанием он отдал мне часть книжек, которые взял с собой из дома, чтобы не окостенеть в казарме. Сестра передала мне конспекты, она уже два года в педагогическом училась.

Не буду мучить ас своими излияниями, почему и как, насколько, а главное, зачем. Есть одно – я хотел поступить именно в этот, самый новый вуз нашего города, пройти через сито весьма старательного отбора. И я прошёл. Доказал себе, Юркевичу, моему дружку, оставшемуся в ЗКП, и капитан Ахметзянов был доволен, горд, что я, простой сержант, могу быть не хуже других.

Поступив, я неожиданно узнал, что меня тут же назначили старостой группы. Не совсем стандартно, но решили, пока группа ещё полностью не сформирована, я гоюсь, как самый старый и прошедший армию, для такого поста. Сами знаете, никаких поблажек мне это не давало, лишние хлопоты и недопонимание, как вчерашних школьников, так и преподавателей. Сейчас я не хочу вспоминать, не хочу объяснять, что было причиной нескольких довольно неприятных инцидентов, ведь многие участники тех событий выросли, возмужали, забурели, стали пенсионерами. Зачем ворошить прошлое, вытаскивать на свет грязное бельё? Просто по истечению первого семестра, и результатам сессии, а также приняв во внимание разбирательства драки на уровне секретариата комсомола института, меня отстранили от тягловой ноши. Когда на второй семестр меня предложили заменить на Эндрю, Серегу Андриянова, я с радостью согласился.

Почему меня вообще не выкинули, или не сдали в милицию? Всё же, драка одного против четырёх, при наличии у них ножей, ставило меня в более выгодное положение, в глазах

комсомольского актива. Забияки своё получили, причина драки самоустранилась на втором курсе, перевелась на научный коммунизм, в университет. Странный выбор, правда? И ещё одно – я был второй на потоке по сдаче экзаменов. После Сова я был вторым. Он своё сдал заранее, почти всё, кроме какого-то конфликта с иностранкой, но вскоре и он разрешился.

Как ни странно это звучит, но моё детское увлечение гармошкой, а потом и аккордеоном, не было оценено по достоинству никем, ни в студкоме, ни в среде студентов. Сам себе наигрывал вальсы, сидя на ограде городского пруда, глядя на здания УНИХИЗ, когда было тепло, иногда приглашали на свадьбы или похороны, но в студенческой среде первую скрипку играли гитары. Гитарой я не владел, и если честно был настроен весьма отрицательно ко всем этим звукам, тогда мне единым фронтом противных. Иногда я выступал на концертах самодеятельности, надо же было как-то разбавлять все эти вечера. Основным номером всегда были возникающие и распадающиеся в течение одного курса ансамбли, и ничем, кроме девичьего вокала, зачастую перепевков популярных тогда и позабытых сейчас, кроме Пугачёвой, певиц, и одиноких пламенных комсомольцев, одержимых идеями построения социализма в отдельно взятой стране. На одном таком вечере меня и случайно застиг Саня. Я только что выступил с довольно сложным номером, исполнил Лето из Четырёх сезонов Вивальди, и вытирая пот, мрачно всматриваясь из-за кулисы в лица скучающих зрителей, ждущих выступления местной ВИА Графит. Представьте, популярная тогда была эта жалкая поделка под битлов, хотя ничего в музыкальном плане не представляла. В ожидании Графит люди с явно скучающими физиономиями слушали запинаящуюся и заикающуюся первокурсницу, даже не знаю, кто она была. Читала, вернее, пыталась декламировать, отрывок из Блока, что было в определённом смысле, тайной диверсией против нашего комсорга. Отрывок из Двенадцати, с определённой корректировкой. Мне опять же об этом рассказал потом Сова. Но комсорг в открытую флиртывал с двумя бойкими девицами из технологического контроля, хотя его жена была на седьмом месяце тогда. Потому ему было некогда интересоваться, о чём это пищит малявка в очках со сцены. Хотя я не знал тогда, что это был Блок, стихи мне понравились. Я бы, наверное, попытался узнать у малявки, что она читала, кто она и откуда такая взялась, и быть может вся моя последующая жизнь стала бы другой. Но тут появился Саня.

Саню я знал, всё же учились вместе, но дружеских или даже приятельских отношений не поддерживали. Впервые более или менее близко сошлись на новогоднем концерте, он тогда с гитарой бродил и в духе раннего Джонни Кэша пытался донести тоску прерий детям тайги и лагерей. Затем во время передачи, чисто символической, власти в руки Эндрю, Саня поблагодарил меня единственный, за проделанную работу. Хотя это было и лишнее, но оставило самые приятные впечатления. И вот за кулисами нашего Ведро он поймал меня.

– Привет, слушай, Застыра, нам срочно нужен кто-то, способный играть.

– Привет. А чего играть-то? Да и играете вы на гитарах, а я же вон, гармошку тискаю.

– Это ничего, и даже более того, будет ещё лучше! Пошли, скоро у нас будет представление!

Я пошёл, как бы странным это не выглядело. Парень семнадцати лет подходит к дяде двадцати пяти лет от роду и говорит, пошли за мной. И дядя идёт за парнишкой. Смешно? Смешно, но так было. Это ещё не был Консонанс, нет, просто три сокурсника решили сыграть своё собственное представление. В подвале первого корпуса. Там тогда были помещения, оборудованные для занятий на военной кафедре. Старые знакомые, плакаты, схемы, портреты. Им-то всё в диковинку, а мне это в Козулино до икоты надоело. Были в той не-группе Совин, Андриянов и какой-то усатый парень из группы технической экспертизы. Он как-то потом исчез из моего поля зрения. Даже имени его не могу вспомнить. Совин с некоторым нервным и тревожным видом оглядел меня и спрашивает.

– Ну, как тебе наша команда? Мы тут играем рок! Почти как Криденсы!

Сколько же гордости было в его словах! Я внимательно осмотрел помещение, вернее содержимое помещения. Их было трое, и кроме меня это были единственные люди в подвале. Он со своей чешкой был, Андриянов с шестиструнной электричкой, парень усатый с басухой. Оглядел я это недоразумение, повернулся к Сове. Тот смотрит на меня, внимательно, словно осуждённый ожидает услышать приговор. Я и вынес приговор.

– А где ваше представление? Где зрители, где толпа, состоящая из неадекватных существ обоёго пола? Где тут визжащие девочки, где их ворчащие мальчики? Где нормальный шум и гам? Даже колонки на худой конец?!

– Нет. Ничего этого у нас нет. Но будет. Может быть. А может и не быть.

Сказал он это спокойно, словно мы обсуждали прозу Хулио Кортасара или дикторшу с телеэкрана.

– Ну, а зачем я вам понадобился? Зрителя желаете поразить своей какофонией? Но мне это не интересно!

– Нет, мы не хотим никого поразить своими умениями и возможностями, желаниями и потребностями. Нам нужен ты! И твой инструмент.

– Но зачем? Что-то не встречал я среди патлатых гитаристов поклонников трёхрядки!

– А у нас будет!

Сова сказал это с таким жаром, с такой уверенностью, что не стал возражать. Просто поверил. Выходит, что я был вторым, после Андриянова, кто стал основой Регистра.

Из интервью отца Зосимы (А. Застыра) журналисту Ю. Кершеру.

«Наша группа, я, Слава, Петька, Игорь, стояли у истоков ансамбля, ВИА Консонанс. Такой аббревиатурой называли группы, возникающие на территории всей нашей необъятной страны, в том числе и ансамбль, возникший в нашей alma-mater. В дебрях строительного института было три ВИА, но в результате остался только один, зато какой. Вокально-инструментальный ансамбль, кстати, так же именовали и зарубежные группы. Руководитель клуба самодеятельности студентов, Максим Леонидович Мезюхин, кроме того, что был исключительный рассказчик и прекрасный педагог, вёл историю и философию, был и одарённым музыкантом.

Не имея профильного, даже начального музыкального образования, сам освоил гитару, баян и пианино. Кто-то говорил, что он выступал на вечерах в университете как трубач-кларнетист. Не знаю, сам я не видел, но готов поверить. Именно по предложению Максима Леонидовича администрацией города было выделено здание бывшего особняка купца Ведерникова, что располагался в соседнем квартале, к северу от института. Особняк, подлежащий сносу согласно плану о расширении бывшей Боровской, названной в честь видного революционера, погибшего в первом же бою, некоего пролетарского поэта-журналиста Кучкина, представлял тогда жалкое зрелище. Асоциальные элементы устроили в трёхэтажном здании свой центр, совершая правонарушения прямо в центре города, в трёхстах метрах от районного управления прокуратуры. Получив особняк, переоформленный, как ДК института, первые два курса, набранные в самом начале существования института, свою практику проходили можно сказать в тепличных условиях, возле института, а не как мы, на отшибе, на территории будущего Станкостроительного завода. Впрочем, завод уже не функционирует, я же именно там познакомился со своей будущей первой супругой, потому ничего не скажу плохого про мои первые шаги на ниве труда, для приближения мира социалистического благоденствия. В течение двух лет студенты под командованием майор Кочерыжки, проводили свои занятия по боевой и политической подготовки на стройке века, в нашем понимании. Ну, не смейтесь, это его настоящая фамилия была! И человек был не плохой, со своими некоторыми отклонениями, в сторону злоупотребления обценной лексики и некоторого исключительно пагубного для мундира офицера нашей доблестной армии чрезвычайного употребления спиртосодержащих жидкостей. Даже в рабочее время. Зато после третьего года пользования бывшего особняка на углу Кучкина и проспекта Первого мая мы имели такой шедевр, как ДК института, сейчас-то да, его уже нет, но тогда, даже горняки и университетские нам завидовали. Самое смешное, что за годы бесхозяйственного существования на задворках бывшей Мельковской слободы, актовый зал особняка никто не успел разграбить. Ходили легенды, распускаемые не самыми умными людьми, что в закрытом актовом зале некогда расстреливали монархистов. Кто-то даже клялся, что видел кости, черепа с пробитыми гвоздодёрами затылками! Ничего подобного там не было, конечно, но именно благодаря этому слуху до недавнего времени дошёл неповреждённым зал, оборудованные не хуже, чем в консерватории или в театре оперы. Там только побелили, кое-где заменили паркет, и всё, хоть принимай симфонический оркестр. Кстати, там однажды и играл симфонический оркестр. Насколько я помню, после обретения так сказать независимости, именно тут провёл два концерта оркестр военно-воздушных сил нашего недавнего заклятого врага, потом заклятого друга, а теперь вроде бы снова врага. И заокеанские гости были удивлены, услышать и увидеть своими глазами эту живую легенду. Ну, для них она легендой не была, хотя впечатление осталось самое положительное. Впрочем, это всё дела минувших лет.

Если же вернуться к моим воспоминаниям, относящимся к моменту возникновения Консонанса, то могу ответственно заявить – никаких гонений, как и продвижения по комсомольской линии мы не получали. Инструментами нам помог обогатиться наш дорогой Максим Леонидович, он же помог обжиться в усадьбе. Мы её любовно называли Ведром. Из-за прошлого хозяина, и некоторой схожести, если смотреть сверху, с крыши института, то создавалась иллюзия, что усадьба напоминает перевёрнутое ведро. Обман зрения, но каждый человек хочет иметь некоторую непохожую на официальные трактовку событий или названия мест, свою собственную топонимику. Отсюда и Куба пошла, и Варежки, и Носатый, и Пять углов. У нас было Ведро. Кто понаглей, или потупее, использовали старинный особняк весьма тривиально – приглашали девчонок из кулинарного техникума за Пластом, возле Яшкиного поля, для так сказать проверки знаний анатомии. Вот ещё пару самовольных прозвищ города. Нахальное обозначение небольшого сквера, теперь полностью переделанного, названного в честь весьма уважаемого революционера, тогда даже связанного с нашим городом, фонетически, так ска-

зять. Пластом у нас тогда звали магазин музыкальных пластинок, на проспекте имени дня бесплатного труда и весны, а также окружающее пространство. Там можно было найти много чего, что никак не могло попасть в магазины. Главное, не попасть под карающую руку людей в штатском и их добровольно-принудительных помощников. Там я впервые купил за пять рублей пластинку, польскую, с третьим альбомом Свинцовых. Она у меня до сих пор лежит в каталоге. Иногда я её беру, и смотрю, вспоминаю. Слушать уже не слушаю, в мире современных технологий можно в таком вот небольшом ящике хранить всё то, что у меня занимает две комнаты. Продал мне её тогда именно Петька, и хотя мы учились на одном потоке, раньше почти не встречались. Именно у Пласта мы и завели более тесное знакомство. Которое перенесли в помещение уже давно закрытого заведения, кафе Журавль. Ничего, приличное было местечко. Главное убраться оттуда до того момента, как придут парни из южных рубежей нашей родины, в сопровождении пергидрольных подруг, выше их на голову. Закуска у нас была своя, пара банок кильки, а портвейн тут был разбавленный, зато водку отпускали не глядя. На пронос своей закуси смотрели сквозь пальцы, мы же студенты, такие же нищие и голодные, как и официанты, и если посетителей мало, даже со своим штофом можно было заскочить. Оно было расположено на углу Некрасова и мелкого переулка, за институтом Горных дел, или как его правильно. Мы тогда хорошо посидели, потратили остатки своих стипендий, после чего разбрелись, кто куда. Я домой, Петька в общагу. Кстати, Саня был моим соседом, жили в одном доме. Но разница в четыре года давала о себе знать. Иногда я думаю, что было бы, если бы я тогда.... Впрочем, не буду забегать вперёд. Наверное, расскажу про ВИА института потом. Когда-нибудь».

Из интервью А.А.Логинова, продюсера и дирижёра электро-симфонического оркестра D.C.Rein журналу «Wow-Musiken!», №211.

«Где увидел впервые? В туалете! Ха-ха! Но это правда. Сова тогда пропустил пару, политика, вам не понять, а чтобы крысам не попасть на глаза отсиживался в туалете на пятом этаже. Туда никто не совался, не знаю почему. Вместе с гитарой уединился, на подоконнике. Я был на третьем курсе, он на первом, потому и не встречал его раньше. Был май, после праздника, число двенадцатое, если не ошибаюсь, и впереди маячила сессия. А первокурсник Александр Совин сидит на подоконнике туалета, и как ни в чём не бывало, тренькает адажио на самопальном фендере. Это я потом узнал, что самопальный, с виду был вполне ничего. Я зашёл вполне с конкретной целью, откушать бутылочку только что приобретённого самогона, выданного мне скопидомом Васьком Шарием. Тому родня прислала всякой всячины, а он мне трёшку должен был. Сошлись на двух бутылках самогона, из-под Буратино, и толстому шмату сала. И вот со свежеприобретённым нектаром домашнего изготовления, я направился в места, не подлежащие по всеобщему молчаливому согласию, контролю со стороны комсы. Он сначала решил, что за тем, что тут обычно делают – за курением пришёл. Сам соскочил с подоконника и несколько театрально предложил мне занять исходную позицию перед раскрытым окном.

– Прошу вас, для вашего же удобства воспользоваться этим окном в мир!

Я оценил ехидный юмор парня, который хотя и был выше меня на голову, выглядел немногим лучше, чем узник какого-нибудь лагеря. Русые длинные волосы спадали на его плечи, словно у девушки, и ему постоянно приходилось отбрасывать чёлку с лица. Я достал газетку, конечно Правду, разложил её на подоконнике. Закрепил пачкой сигарет Прима и коробкой спичек один конец, на другой поставил бутылку от лимонада, самогон. Сало положил на середину газетки. Как раз на большую простыню, посвящённую очередному съезду. Или только подготовке к съезду? Уже не помню. Повернувшись к несколько удивлённому высокому парнишке, протянул ему свою руку и сказал.

– Пётр Мамаев. Можно Петя. Третьекурсник, с кафедры промышленного строительства.

– Сова. Совин. Александр Совин. Музыкант. Первокурсник. С кафедры дизайна.

Мы пожали друг другу руки. На удивление для вчерашнего школьника, ему тогда семнадцать было, рука у него была сильная. Но было в нём немного застенчивости, какой-то детской стеснительности. Даже то, как он представился, сильно отличало его от большинства тогдашних студозов. Он был вроде бы взрослее окружающих, лет на десять. И при этом, словно ребёнок. Знаете, есть такой фильм, где парень захотел стать взрослым и стал им, оставшись при этом внутри ребёнком. Вот это про Сову. До самого последнего дня, я его видел в нашем старом актовом зале за три дня до исчезновения, он был таким. Окружающий мир надломил, вымучил его, как и многих других, поэтов, музыкантов, писателей, и многих тех, кто так и не решился открыть свою душу миру, сгинув в неизвестности. Они рождаются или слишком рано, или слишком поздно. Потерянные во времени. Знаете, у него была такая песня или стих, где говорилось про пузыри. Вот и Саня был таким прозрачным пузырём.

Мы пожали руки и замолчали. Сейчас найти тару для возлияния не составляет труда, а тогда это была проблема. Кто-то решал её кардинально – воровал стаканы из автоматов с газировкой на улице. Кто-то тащил их из столовок. Некоторые, как я, покупали свои собственные. Воровство мне претило. Саня тоже не тащил, что плохо лежит к себе. Потому и был у него быт неустроенный. И жена, Алка, ушла, не выдержав жизни с конструктором из тусклого НИИ, периодически срывающегося в творческие поездки или пьяные загулы. Впрочем, это из совсем другой истории. Встав перед дилеммой, как разделить бутылку и подозревая, что пить из горла он не станет, а также опасаясь, что самогон от Шария может быть крепче, чем обычно, я предложил Сане сбегать в буфет.

– Послушайте, Александр, неплохо бы сгонять к тётке Шуре и прикупить пару ингредиентов для полного натюрморта. Буратино и банку капусты. Есть деньги?

– Конечно, есть. Пётр. – Сова кивнул головой и несколько растеряно оглянулся вокруг. Я сначала подумал, он боится попасться на глаза крысам. Но потом, спустя мгновение он посту-

пал так, как не поступил бы никто. Он, скинув куртку, постелил её на пол, аккуратно поставив гитару на свою одежду. Я хотел было сказать, что зачем такие жертвы, но он уже выбежал из туалета. Я заинтересовался, чем же таким ценным является его инструмент, что даже куртку использовал для его сохранения. Это был чехословацкий вариант двенадцатиструнной гитары, электроакустической, с самопальным встроенным немецким звукоусилителем, неплохой, но хуже оригинала. Я сел на корточки и стал осторожно тренькать струны, но поскольку она была переделана под левшу, ничего толком не добился. Пока я рассматривал инструмент, не рискуя взять его в руки, дабы не обидеть хозяина, в туалет кто-то вошёл. Я сначала думал, что это он вернулся. Не поворачивая головы спросил.

– Никого не было? Странно, обычно в одиннадцать там уже толкуются страждущие.

– А что это тут у нас?! – Голос Славки Муромова, Муромца, оглушил меня.

– Чего ты тут делаешь, да с такой бохатой и справной снедью?! От друзей-товарищей крысятничаешь?!

Кто бы другой сказало такое, получил бы в зубы, но Муромец, во-первых, был под стать своему тёжке, гигант под два метра, как раньше говорили косая сажень в плечах. А во-вторых, за всё время нашего знакомства, не припомню, чтобы, несмотря на свои размеры, Муромец кого-то обидел, пользуясь своей неприкосновенностью. Он был просто несколько удивлён, что я не нашёл кого-то и стою в туалете, как первокурсник, алча потребить всё в одно горло. Я поспешил развеять сомнения Муромца.

– Тут первокурсник был, вон его гитара, чешка, побежал к тётке Шуре, за тарой и разбавкой.

– Хм, странный такой? С длинными волосами? Понятно, почему гитару на куртку кинул. Его Сова зовут?

Оказывается, уже тогда Саня кое-кому в институте был известен. В первую очередь своим немного странным поведением. Несколько гипертрофированным отношением к своему инструменту. И не по возрасту серьёзностью. И конечно, искусству играть на гитаре. Муромец указал на чешку своим исполинским пальцем и произнёс басом терзавшую меня мысль.

– А у нас как раз второго не хватает. Ты слышал, как он играет?

– Нет. Я когда зашёл он терзал её, какой-то блюз мучил.

– Настраивал. Он всегда настраивает её перед каждым исполнением.

– Но тут никого не было. И редко кто бывает.

– Перед собой. Он и в одиночестве настраивает инструмент, словно на концерте перед публикой.

Пока мы рядили и судили, Саня уже примчался назад. Вспотевший, но довольный. Он протянул мне две бутылки Буратино и две мороженки. Муромов хмыкнул.

– Деточка, мы тут самогон хлестать собрались, а вы нам мороженку съёте.

Саня покраснел, нахмурился, молча поставил бутылки на подоконник, обе мороженки туда же, взял гитару и собрался выйти. Я его остановил, мне было немного неприятно, что Слава таким образом парня отшил. Зачем он это сделал было понятно – тогда ему больше достанется. Но меня это покорило, потому я, старшекурсник, остановил первокурсника, и попытался заглядеть не свою вину.

– Слушай, а давай ты сегодня к нам придёшь? Мы в Ведре репетируем. После семи вечера. Пароль – репетиция ко дню города. Тогда пропустят, а если спросят на проходной, кто такой – отвечай как есть.

Саня улыбнулся, и кивнул головой. Мне кажется, если бы я не остановил его тогда, он навсегда завязал бы с музыкой. Почему, не знаю даже, просто наваждение такое было – если ты его не остановишь, он уйдёт навсегда.

Да, водка, в смысле самогон, оказалась полная дрянь. Или мне настроение испортил Муромов. Мы кстати с ним до сих пор не общаемся. Вот такие дела.

П. Мамаев, пенсионер, руководитель кружка детской самодеятельности школы №15.

– Он учился хорошо, даже можно сказать был подобен пылесосу, втягивал в себя знания. Учился хорошо, но иногда сознательно сдавал хуже, чем мог, не хотел, чтобы его ставили в пример, как ботаника. После победы в Таллине про них заговорили, но если старшие, Мамаев и Логинов, были более или менее известны, то про второкурсника Совина было почти ничего не известно. Он был вроде бы приветливо обходился со всеми, но вот тех, кто был с ним всю жизнь, было немного. Впрочем, многие могли предполагать, что они друзья Сани, хотя это было не так. Однако он никогда не говорил человеку прямо – ты мне не нравишься или я не хочу с тобой общаться, не гнал никого, вот люди и полагали, что все они его друзья. Я сам в самодеятельности не участвовал, поскольку у меня отец был архитектор, мама работала в НИИ Проектстроя, дед был инженером, заложившим первую домну №3, старший брат работал в министерском отделе, по нашему региону, инспектором за строительством промышленных объектов. Одним словом я был полностью увлечён архитектурой и строительным дизайном. Да, мне нравилось, как Саня исполняет свои песни, было немного приятно, что учусь с ним в одной группе, но какого-то преклонения, подобострастия я не испытывал. Потому он и общался со мной до самого своего исчезновения. Не часто, но всё же мы встречались, у общих знакомых, в свадьбах или похоронах, сталкивались в коридорах института технического дизайна на Пионерской, я туда приносил проекты плановой застройки микрорайонов Заречный и Левобережный. Их готовило наше бюро, а Саня был в том числе одним из экспертов, дававших добро или отказывающих в праве на воплощение в жизнь проекта. И надо сказать никакого панибратства, кумовства он не терпел. Когда Иваницкий, кое-как окончив институт, устроился, уж не знаю какими путями, в бюро строительного комбината №2, и вместе

с такими же обормотами спроектировал новый тип домов, двенадцатиэтажных, во многом скопировав проект ленинградцев, 42-й кажется, я не специалист по жилищному строительству, то отнёс Сане. Тот сидел, скоблил, писал, отдал потом своему начальнику отдела, тот тоже сидел. Борис уже довольный полагал, что всё на мази, ведь старый друг не может его подвести. Занял у барыг денег, купил подержанный ГАЗ-21, чёрный, что по тем временам было о-го-го. И тут Саня ему звонит вечером, уставший и говорит, твой проект забраковали. Они с Иваницким почти два года не общались, и думаю, тот не забыл обиды. Куда делся второй альбом? У Майора его не было, он отдал Борису, чтобы тот попытался протолкнуть через свои связи в Москве Регистр. Вот и всё, кроме обложки, сделанной Саней, и пары записей на кассетный магнитофон Яуза ничего не осталось. А он работал над ним долго. Сорок два трека, двойной альбом. И всё исчезло. Я виделся с Саней после его возвращения из Таллина, как раз была встреча с нашими бонзами, вид был у него такой, словно он в одиночку разгрузил вагон с углем. Мы остались одни, у меня нога болела, потому я сидел и ждал, когда наша врачиха Сорокопутка придёт, ногу я на волейболе подвернул. А Саня сидел просто, и сосредоточенно смотрел на стену, где висели плакаты, предупреждающие об опасностях беспорядочных связей.

– Все связи тут беспорядочные. И все опасные. – Он проговорил эту фразу про себя, но я всё же откликнулся.

– А что там у вас было? Выгнали или наоборот, приветствовали, обещали помощью?

– Не нужна мне их помощь! Я сам себе помог! Потопил себя!

Он замолчал, вскоре пришла угрюмая Сорокопутка и я заковылял в кабинет. Получив довольно скоро свою справку, даже не ожидал такого от неё такой щедрости, освобождающей меня от физры на две недели, и предоставлявшая недельное освобождение от занятий, я вышел в коридор. Но Саня уже ушёл. В тот же день он предложил своей первой жене, Кате, с параллельного потока, пожениться. Вот так, его боготворили все девчонки на потоке, а он предложил свою руку и сердце той, кто даже его не знала толком. Таким он был, непонятым, метущимся, трагическим. Я сожалею, что не помог ему, когда мог, в конце восьмидесят девятого. Но тогда, за пятнадцать лет до его пропажи он казался самым перспективным и подающим большие надежды. Все полагали, что он сможет войти в состав комиссии по строительству, со временем. И не за горами даже Москва, с министерскими коридорами. А всё вышло так, как вышло.

Дмитрий Перов, архитектор, основатель первого коммерческого предприятия по строительству домов.

– Два года, где-то с конца 73 по 76 я работал в Центре экспериментального планирования. Это на Сибиряка 40 было, теперь там банк, кажется. Было мне тогда уже двадцать семь, и я был там самым старым. Иногда к нам приходили студенты, с мехмата университета, но зачастую всё же из моей альма-матер, и с моей кафедры. Тогда я и увидел впервые Совина. Был он худой и длинный, задумчивый, в своём сером костюме. В отличие от других студентов, которых как магнит тянул операционный зал, он всё больше занимался с автоматизированным каталогом, помогал сотрудницам вносить правки, а иногда принимал участие в работе над внезапно отклавшимся понимать команды устройством. Это было творение нашего механического завода-гиганта, ещё без перфокарт, но уже с приводом от своеобразной клавиатуры. Правда, намерения директора завода №3, ктн Ашота Арутюновича Чакабаляна, оснастить все библиотеки и каталоги области и города этими громоздкими, и чего там, не слишком удобными устройствами потерпели крах. Тогда как раз стали внедрять первые ЭВМ, громадные, но, несмотря на все свои дефекты, уже имевшие много преимуществ перед изделием завода №3.

И вот с таким ЗАК-3, порядковый номер 40, и возился Совин почти всё время, вместо нормальной работы над своим дипломом. Зато его там все уже знали, и когда ему срочно нужно было сделать три больших платформы для его диплома, то девочки помогли, не попросив ничего взамен. Кто-то даже в шутку сказал, что Совин строит настоящий коммунизм – ничего и ни за что не платит, и отдаёт сам всё даром. Совин обиделся, но никому ничего не сказал. Просто перестал посещать наш Центр. Потом, в 77 его расформировали, частично присоединив к НИИ Проектстрой, на Чебышева, а остатки кадров и всю наработанную методологию – в институт технического дизайна, на Пионерской. В самом здании устроили общий аналитический центр Минстроя, самый большой, за исключением Москвы, Ленинграда и Киева. Мы, то есть уже не мы, а Центр, работал на семьсот строительных предприятий, расположенных за Волгой. В нём, на момент максимальной нагрузки, это был год 83, работало триста ИТР, сорок три кандидата наук, двенадцать докторов наук. И всё это пошло под снос.

Впрочем, я тут слегка отошёл от темы нашего разговора. Совин проработал у нас до самого диплома. Поскольку его знали как крепкого инженера, то предложили сразу должность архитектурного аналитика во вновь создаваемом Центре. Он отказался, сославшись на то, что необходимо три года отработать, согласно его дипломной работе, и его пригласили уже в Пыжминский ДСК. Думаю, что работа на практическом применении его метода уплотнения визуальных эффектов, и стилистических особенностей восприятия крупных форм в производстве крупнопанельных строительных материалов, там была совершенно ненужной. Его бы поставили к кульману на пару лет, а потом он бы сам убежал. Но, как говорится, неволя у нас было не принято, потому просто-напросто его куратор передал заявку на двух специалистов без опыта, для работы с документацией, от института технического дизайна, и Совин согласился не раздумывая. Там уже работало несколько выпускников СтрАхИн, в том числе и игравшие с ним в группе. Я же продолжил работать по планированию технического задания для ДСК и заводов ЖБИ, согласно регламенту Минстроя. Меня тоже пригласили в тот самый институт на Пионерской. Как бы странно это не звучало, а работать в относительно новом, открытом пару лет назад здании было непросто. Это вечная беда, сапожник без сапог. При том, что в техническом оснащении наш институт был передовым, чисто бытовые условия просто никуда не годились. Там даже туалеты не работали, постоянно заливая первый этаж, отопление тоже текло по всем стоякам. Одновременно на пост директора заступил Сергей Павлович Зинохе, который собрал нас во дворе и в первый же день постановил, что это никуда не годится. Был составлен план работ, определён график, надо было успеть перебрать отопление до первого пуска тепла, то есть, до 21 сентября.

Закипела работа, и мнс, и даже кандидаты, засучив рукава, перебирали всю систему канализации, словно слесари. Вчерашние студенты под руководством самого Сергея Павловича работали над системой отопления. Мне и Совину посчастливилось устроиться на относительно чистом фронте работ, мы проверяли электрику. Проверяли, если были проблемы серьёзные, пробои в проводке, вызывали бригаду ремонтников, студентов строительного техникума и старшекурсников с энергетического факультета. А если только просто не работали плафоны и розетки, ремонтировали самостоятельно. Так прошёл первый месяц, и я, если честно, был просто ошарашен, каким образом в этом недоделанном здании они умудрялись координировать работу многих организаций, проводить исследования и создавать проекты технического и строительного дизайна. Совин в те дни был молчаливый, возможно это было следствием его потрясения, ведь после фантастического выступления в Таллине, а спустя год – в Вильнюсе, как отрезало, никуда не звали. И более того, когда он заставил Иваницкого позвонить в Москву, у того дядя работал в каком-то департаменте молодёжной политики по РСФСР, то даже дядя Гоша не смог ничего сделать. Кто-то предположил, и я полагаю, в этом есть доля истины, что на пути у молодых инженеров-музыкантов встал один столичный деятель музыкального мира, полагавший, что в Вильнюсе должен был взять статуэтку он, а не какие-то «дикари из леса». Это прямая цитата, произнесённая после этого события популярным певцом и композитором. Я не буду называть сейчас его имя или фамилию, просто скажу, вы все должны были слышать его и не раз. Там ещё недавно у этого пожилого, но всё ещё конфликтного человека, вышел конфликт с водителем на стоянке, окончившийся причинением лёгкого вреда здоровью пенсионеру всесоюзного значения. Попросту попытался подраться с более высоким, сильным и молодым, и был послан в сугроб одним ударом. Совин его ударить после тех слов не смог, и даже удержал Мамаева, когда тот подкараулил «звезду», чем окончательно вывел того из себя, и бывший наставник по музыкальному коллективу попросту ушёл из группы.

Вот в таком душевном подавленном состоянии и пребывал тогда недавний выпускник института, вынужденный ремонтировать, поправлять некачественно сделанную чужую работу. Мы почти не разговаривали, хотя он для меня был очень интересной личностью. Помню толчком к нашему довольно задушевному разговору, вылившемуся потом в вечерние посиделки с двумя бутылками портвейна, стало то, что у меня закончились шурупы. Я был обозлён, поскольку кроме вот этой работы, не достойной моего опыта, никто с меня не снимал отчёт, тяжёлый и нудный, требующий подготовить к пуску проектную документацию по серии строительных материалов для одного предприятия в соседней области.

– Да что же у нас всё такое! Ничего нет, а что есть – рваное, поломанное и не то!

– Нехватка кадров и неразбериха с логистикой. А ещё – отставание от многих стран мира по целому ряду направлений в промышленности. Если ничего не изменится в течении ближайших пяти-семи лет, страна просто рухнет, и все мы захлебнёмся кровью.

Я посмотрел на него, такие слова было жутко слышать в рафинированной 77-м году, самый расцвет застоя. Ещё не вошли войска в дружественный Афганистан, ещё не стал дефицит товаров настолько ужасающим, а подпольные миллионеры не успели подкупить работников органов, дабы те перестали обращать на них свои пристальные взгляды. Однако именно Совин оказался прав, к сожалению, никто не обращал никакого внимания на предостережения подобных ему людей всюду по стране. Впрочем, даже его в некотором роде провидческий дар не позволил воспользоваться ситуацией. А может быть он не хотел этого?

Дмитрий Бобров, бизнесмен и руководитель арх-бюро, Нью-Йорк.

– Вильнюс. М-м-м. для нас это было нечто! Да, Сова был в Таллине, да и я успел съездить в Прагу, в составе делегации нашего института. Но сама атмосфера, сам воздух свободы, который витал над этим городом, по численности уступающим нашему городу-заводу. Кстати,

и воздух у них был чистым, не как у нас, прожжённый выбросами заводов, фабрик, котельных и автомобилей, в основном дизельных моторов грузовиков. В первый день мы просто ходили и любовались городом. Ведь Регистр был крепкой группой, а не тот разбитной цирк, что поехал в Таллин. Сова – гитара и вокал, Застыра – аккордеон, иногда труба, он специально освоил несколько приёмов, чтобы своим диким видом ошарашить публику, опять же Логинов, но он больше из симпатии к Сове там был, Мамаев, на клавишах, ударником был Бусаков. Боб выступил звукоинженером, и надо сказать, отнёсся он более ответственно к этому назначению. А вот Иваницкий был оформлен администратором, к протесту Петьки и Застыра, но того требовали условия контракта. Никого со стороны брать не хотелось, а Борька нам был известен, знали, что он может вытворить. Я на басу.

Всего год прошёл с того момента, когда было создана ВИА Регистр, под эгидой клуба самодеятельности студентов нашего родного СтрАХИн, а мы уже изменились, возмужали. Третий курс. Застыра кстати уже тогда высказывал нам всем своё недовольство тем, что он вынужден тащить всю работу на себе, а Иваницкий только деньги считает. Сейчас об этом, пожалуй, и можно сказать, ведь мы выступали на вечерах, в клубах, на площадках, а денег не получали. Работали из чистого энтузиазма. Но как совсем недавно оказалось, Борька деньги брал. Возможно Застыра что-то такое, потому и указывал Сане на то, что у Борьки денег явно больше, чем могло быть у простого студента и пижона. Но Саня верил Борьке. Верил настолько, что когда случайно пришёл домой раньше срока, это было уже спустя год после выпуска, получил удар судьбы, который потом сравнил с состоянием, будто бы с него сняли кожу. Он был молодым специалистом, а тут так удачно вышло, пяти выпускникам, кто устроился на Пионерку, выдали ключи в доме, что построил ДСК №2. Дом был недоделанный, и чтобы сбagrить с плеч эту только что построенную развалюху на Маркса, ДСК отписало половину дома институту. Ведь дело нешуточное, моно было надолго в тюрьму залететь. Силами студенческих отрядов дом привели в более-менее приличное состояние, а в награду самым перспективным спецам молодым, кто имел семью, выдали ключи от квартиры. В том числе и Совиным. Его первая жена, Катя, оказывается больше года с Борькой так сказать, интимно общалась. Саня не стал устраивать истерику, бить морду Борьке и выгонять неверную супругу. Просто молча прошёл к себе, мимо затихших любовников, собрал свои вещи, в основном бумаги, книги, одежды у него никогда много не было, и так же молча вышел. Он переехал к родителям, и на следующий день позвонил Кате и попросил выкроить время, чтобы разойтись, официально расторгнуть брак. Квартиру он оставил ей и ребёнку, как потом божился Борька, что ребёнок не его, но только внешне был копией Иваницкого в младенчестве. Как они всё оформили, не знаю, но Сова ничего не платил Кате. А она ничего не требовала, только иногда просила помочь по чисто технической части. Борька хотя и продолжил уже в открытую жить с ней, жениться

не собирался. У него же жена была, дочь второго секретаря горкома. Она к такому странному поведению мужа относилась спокойно, говоря, пусть он лучше кувыркается с тему, кого я знаю, чем ползет на привокзальную лахудру, а потом мне носиться по КВД придётся. Странная у них семейка была, это точно.

Таким образом, в Вильнюсе мы пробыли три дня, поскольку неожиданно в Балтас, не то кинотеатр, не то ДК, там ведь всё на литовском было, я мы его не понимали, произошла авария на линии. Свет пропал, музыки не будет. Хорошо, позвонили домой, послали телеграмму от лица организаторов, чтобы нам продлили «увольнительные». И вот тут-то и вылезло в первый раз, что вроде бы взять янтарную белку должен один молодой, но уже очень известный столичный певец-композитор, любимец женщин. Я не знаю, что они там, в Прибалтике, на янтаре помешались, в Таллине тоже из янтара приз был. Нам, уже готовым отправиться в Балтас, про то, что победить должен этот, назовём его Гога, передал бледный Борька. Ему об этом по телефону сказал его дядя, видимо тоже не сильно довольный тем, что группа его племянника должна уступить. Но Гога был любимцем дочери одного члена политбюро, в смысле любовником он был, и потому оттирал всех остальных от эстрады. Либо платите отступные, пятьдесят тысяч. Если бы первого января ударила гроза, затем прошла буря, и наступило лето, тогда бы мы не были так сражены, как после известия Борьки. Все переваривали информацию молча, один Саня сжал кулаки, побагровел, встал и сказал.

– Пошли к этому...Гоге!

Борька дурень, кивнул и потащил нас. Ну, а что хотите, всю ночь зависал с одной дамой, старше его лет на десять, зато женой секретаря райкома, крашеной шатенкой, выше Борьки на голову. Он возможно тогда впервые и наркотики принял, дама его накормила, чтобы получить всё от этого гастролёра. В таком состоянии Борька и вёл нас, сам не понимая что делает. Гога жил не то что мы, в отдельном коттедже, на окраине города, это вроде бы пансионата был для партийцев. А нас временно разместили в общежитии местного института, хотя и новой, чистой, и с работающими розетками и канализацией. Гога прибыл туда на своём Мерседесе. Мы впервые увидели такой зелёный, или скорее изумрудный роскошный автомобиль. Борькина двадцать первая казалась нам верхом совершенства. Но рядом с мерседесом стояли две новые чёрные Волги, обкомовцы, наверное, приехали к знатному гостю. И даже с Волгами Борька понял, что его находка и чудо техники – ерунда. Мы вошли в дом, хотя на крыльце стоял накаченный человек, явно из органов, нам он не стал препятствовать. Возможно, Гога приказал пускать всех к нему. Внутри мы попали в сказку. Или в картину об американской жизни миллионеров и гангстеров. Никогда я не мог представить, что у нас кто-то так может жить! Роскошные тяжёлые портьеры, настоящий дубовый паркет, мебель из цельного дерева, а не как у нас, серванты из опилок, да и то, после очереди. Гога сидел на первом этаже, развалившийся, обсуждая что-то со скромным лысоватым блеклым человечком. Они сразу смолкли, как только мы переступили порог. Там на двери был приделан колокольчик. Гога был молод, но уже виднелись следы излишеств. Под глазами следы ночного вакхического служения, брюшко выпячивалось из модной тогда цветистой рубашки, явно импортного происхождения. Джинсы у него тоже были в обтяжку, ремень вжимался в живот. Глаза у Гоги были блеклые, настороженные, мёртвые. Да вы и сами можете убедиться в этом, если найдёте материалы по всем этим Песням Гога тех лет, фото из старых журналов. Он не сильно изменился, стал только обрюзгшее и чванливый. Он встал, протянул нам руку и улыбнулся.

– Вы меня знаете, но давайте именовать себя по именам, а не по должностям и званиям! Гога!

Мы пожали ему руку, хотя судя по поведению Петра и Застыра, когда мы шли, пешком через весь город, между прочим, они хотели свои руки применить к его харе. Рука у него была скорее женская, небольшая, хотя и не сказать, чтобы слабая. Всё же играть на гитаре и пианино

требует определённых усилий. Мы представились по именам. Один Борька учудил, он вышел вперёд, и с апломбом протянув, руку представился.

– Борис, знакомый Инги Адольфовны. Вас должны были известить.

Гога несколько растерянно посмотрел на лысого и тот молча кивнул. Гога отошёл в сторону, быстро поставил маленькие рюмки и стал наполнять их каким-то заморским пойлом. Наше обострённое обоняние сразу поведало, что это не та бормотуха, что мы пили всегда. Гога налил всем нам, а себе в глубокую рюмку и молча указав рукой, отошёл в сторону. Его гость молчал и видимо ему ничего не полагалось. Мы взяли рюмки и в нерешительности посмотрели на столичного барина. Тот с видом превосходства поднял рюмку и произнёс тост.

– За творческую солидарность, товарищи! За успехи в вашей деятельности! И пусть победит тот, кто заслуживает увезти этот приз из столицы нашей республики домой! Прозит!

Он вылакал рюмку, словно водку одним махом и в интересом посмотрел на нас. Ну, мы тоже влили в себя горьковатую и густую жидкость. Никогда такого я не пил, но теперь могу сказать уверенно, это был настоящий кубинский ром. Откуда у деятеля советской эстрады был такой напиток, вопрос скорее к тогдашнему руководству внутренних дел. Все задумчиво оглядывали свои небольшие рюмашки, словно надеялись найти в них ещё капельку изысканного питья. Гога засмеялся, торжествуя, но не злорадно. Всё в нём выдавало человека привыкшего быть наверху, и оттого относиться к остальным присутствующим с некоторой долей покровительства. Барин, каким его обрисовать мог бы Гоголь, вот кто был Гога. Гога вернулся в своё кресло, настоящее, из кожи. А нам предложил длинный диван. Впрочем, все на него не влезли, и мне с Застыра пришлось довольствоваться подлокотниками кресла, куда уселся Борька. Лысый поморщился, словно увидел вошь у себя на рукаве, но не сказал ничего. Он вообще за всё время нашей встречи не проронил ни единого слова. Зато Гога был в ударе. Возможно, в тот момент, после приёма рома, его слегка захмелевшая барская душа была слишком довольна собой и потому снизошла до нас, сирый и убогих. И сразу повёл разговор в деловом ключе, сразу видно, столичный фраер!

– Значит так, ребята. Не буду вам объяснять всех причин, но сразу скажу претендентов на первое место всего два. Первый – это я, сами понимаете почему. А со второй кандидатурой вышла небольшая заминка. Кандидатура номер два это Дилман Сахажаева, знойная восточная красавица, посмевавшая исполнять свои народные мотивы в стиле лёгкого джаза, ставленница всемогущего хана ташкентского, неожиданно пропала. Ушла из своего домика, села в такси и всё, пропала. Местные власти сбились с ног, не шутка, пропала любимая куколка самого Рашида! Вот и товарищ....

Он хотел назвать имя и должность, но лысый поднял ладонь, и Гога тут же перепрыгнув, продолжил, ничуть не растерявшись.

– Сложилось мнение, что она попала под влияние одного вашего земляка, некоего Бориса Женина, вашего знакомого. Они решили бежать на запад! Вы представляете, какой скандал, какую шумиху поднимут все эти акулы западной продажной прессы! Наймиты международного капитала быстро возьмут в оборот наивных и незрячих вчерашних детей, выставив всё таким образом, чтобы унижить и оскорбить весь советский многонациональный народ! Это скандал тянет на нечто большее, чем простое и глупое поведение молодых несмышлёных и запутавшихся людей! и вы, как знакомые с этим самым Жениным обязаны помочь товарищам, э-э-э, помочь нашим доблестным сотрудникам соответствующих органов найти беглецов! Вам всё ясно?

– Нет. Впрочем, даже если бы и было ясно и даже известно, то это не мои дела. Что бы ни сделал Джеки, Борис Женин, это полностью его решение. И какое отношение его побег, вполне возможно, что и не в капиталистическую страну, а например, в один из кемпингов, имеет к нам, тоже непонятно. – Сова смотрел на него, не отрываясь, словно кроме Гоги никого

больше не существовало в большом зале. Гога и лысый переглянулись, явно не ожидая такого ответа. Гога улыбнулся и ещё доверительнее продолжил своё наступление.

– Вы понимаете, что товарищи из солнечного Ташкента будут очень недовольны, когда узнают, что вы выиграли этот конкурс, а представительница солнечного Узбекистана пропала с одним из ваших земляков, да ещё и учащимся вашего института? Вы не боитесь, что товарищи из Ташкента могут проявить некоторую несдержанность в речах и даже поступках? Ведь слова за слово, а там и до рукоприкладства дойти может. А товарищ Рашид очень уважает и помогает республиканской сборной по вольной борьбе. Вдруг кто-то из особо вспыльчивых спортсменов возьмёт отпуск за свой счёт, купит билет, прилетит к вам и найдёт одного из вас. Что тогда случится?

– А что, товарищи из органов у нас не только не могут уследить за юными и знойными красавицами, но и предотвращать возможные преступления уже разучились?

Гога пошевелил челюстью, словно пережёвывал жёсткий шашлык, мельком глянул на лысого, но тот был словно мумия фараона Тутанхамона. Гога задумался, и сразу сменил тон.

– Парни, я ведь понимаю, для вас это всё очень удивительно, просто какая-то сказка! Но вы поймите, тогда, в Таллине, был простой конкурс среди студенческих ансамблей и исполнителей со всего Союза. Вы выиграли совершенно заслуженно, и скажу честно, я слышал ваши записи, прислали мне парни из Таллина, удивляюсь, как вы на таком барахле смогли выжать такой звук! Но поймите, тут нечто большее, чем студенческий слёт! Этот конкур под эгидой Литовской партии и правительства создан специально под определённые нужды нашего времени! Что, если вы снимете свою заявку, а вместо этого товарищ... кто-то даст вам характеристику, чтобы вы поехали без всяких проблем и проволочек на фестиваль в Сопоте в следующем году? И в этом выступить успеет на Балтийских звёздах, это недалеко, в Юрмале проходит. Вас туда доставят, разместят, если сможете выиграть тяжёлое испытание – почёт и уважение зрителей, контракт с Мелодией. С Мелодией, братцы?!

Вот тут мы и встали впервые на развилке, предопределившей нашу дальнейшую судьбу. Потом, уже после смерти Джеки, Борька как-то в гневе сказал, что этот дурак не мог по-настоящему увезти свою Дилман хотя бы в Польшу, а завис с ней в пионерлагере. Их случайно выследили милиция, полагая, что туда забрались воры или может быть наркоманы. Вломались патрульные тогда в пионерскую комнату, а там эти два.... Короче, думаю, если бы Джеки не нашли, то мы имели все шансы стать если не Песнярами, то точно Весёлыми ребятами. Но только в том случае, если бы Сова не ответил Гоге.

– Я не могу. Меня не поймут. Если я соглашусь, то тем самым подпишусь под признанием, что Джеки устроил свой абсурдный побег только, чтобы как-то повлиять на нашу судьбу. Кроме того, решать, кто выиграет, должен не какой-то товарищ, а зрители и жюри. Согласно регламенту.

– Вы не боитесь, что у жюри ваше творчество вызовет скуку? – Гога пристально глядел на Сову, не веря, что кто-то по своей воле может отказаться от такого предложения. Думаю, он не врал, когда обещал нам все эти чудеса расчудесные, зачем это ему надо было. Он просто не мог поверить, что мы, дураки, можем отказаться от билета в круг избранных. Но Сова снова повторил, ответив на весьма недвусмысленный намёк Гоги.

– Всё решает только сама музыка и люди. Если наше творчество не нравится людям, они его не слушают. Если нравится – про нас знают на дальних рубежах страны. Всё просто! Как план на ватмане.

– Ну да, вы же конструкторы, инженеры, архитекторы, созидатели нашего лучшего будущего! – В голосе Гоги появились нотки явного недовольства, которое выразил он таким образом, что заставил нас поверить, мы на правильном пути.

– Да, мы инженеры или будущие инженеры! – Встрял Боб, хотя уж он-то тут вообще был пятая нога седьмой лошади. – И для нас музыка не способ зарабатывания денег, а выражения

того, что у нас внутри, того, что мы понимаем и как чувствуем окружающий мир! Хотя тому, кто живёт в таких хоромах это не понять!

Он, хоть и сын родителей с большими связями и уважаемыми людьми в городе, жил со своей женой в её комнате, в общежитии на Энгельса. Потому и выдал экспромтом свою ленинскую мысль, заключённую в тезис, что не может быть богатых в стране бедных. Гога сжал губы и процедил.

– Ну, ребятки, я вам предложил. Вы отказались. Если на то будет воля высших, то вы выиграете этот конкурс. Но что с вами будет потом? Кому вы будете нужны? Подумайте над этим.

Показывая, что разговор окончен, не прощаясь, Гога повернулся к лысому и начал что-то говорить про какого-то их общего знакомого, или просто известную в узких кругах личность. Некто Саша, который придумал новый способ удовлетворения, когда одну партнёршу связывают по рукам и ногам, затем привязывают к потолку, к крюку для люстры, и раскручивают, между тремя партнёрами мужского пола. Мы были тогда в этих вопросах несведущими, потому решили, всё это не для нас. Но Боб оставался Бобом и, хотя его схватил за руку Сова, крикнул Гоге.

– Ещё и пятьдесят кусков захотел! Буржуй!

И поднял кулак в приветствии, как кубинский барбудос. Гога аж челюсть едва не потерял.

– Какие пятьдесят кусков? – В его облике всё говорило, он был несколько удивлён словами Боба. Тот повторил, Гога нахмурился.

– Положим десять тысяч я бы вам выделил, чтобы компенсировать ваши потери, репутационные прежде всего. Но платить вам пятьдесят тысяч?! Вы немного аппетит свой умерьте, молодые люди!

– Постой. – Боб тоже был слегка ошарашен. – ТЫ ведь просил с нас пятьдесят кусков, чтобы пустить на конкурс? Так или не так?!

Гога был возмущён настолько, что некоторое время только пыхтел, и налитый кровью сидел молча. Даже товарищ из органов рот открыл, отчего стал выглядеть совершенно глупо.

– Нет. Я никогда не прошу ни у кого денег. Чтобы выступить или чтобы кто-то снялся. Я сам плачу.

Мы переглянулись, но всё же не стали бить Борьку при посторонних. Впрочем, тот что-то такое заподозрил, потому ушёл первым, можно даже сказать убежал. И до самого отлёта не появлялся. Видимо у Инги Адольфовны отдыхал. А мы всё же выиграли конкурс. И убыли довольные собой, не предполагая, что больше ничего подобного в нашей жизни не будет.

С. Андриянов.

Середину пути ты попробуй пройти, не запятнав своих ног, не испачкав души...

– Было тяжело первые месяца два, а потом привык, притёрся. Это ведь как с новым механизмом, ему надо притереться, больше смазки на двигающиеся механизмы, и вперёд, на стройку коммунизма! Или здание, ему нужно время, чтобы осесть, чтобы выявились недостатки, иногда проходит год, два, и неожиданно через всю стену идёт трещина. Сразу не поймёшь, как ты будешь себя чувствовать в новом коллективе, но поскольку тут нет сложившейся иерархии, все люди молодые, кроме руководства, никаких особых трений не возникало. Просто я привык быть в определённом вакууме, либо самостоятельно двигать мир ногами от себя. А ту работа в коллективе, причём твоё мнение не является доминирующим. Если бы у меня не было опыта работы с клубом студенческой самодеятельности, с Консонанс, а потом не создал бы я Регистр, мне было бы совсем не вмоготу. Однако, теперь я занял своё место в ряду работников II разряда, и смотрю с оптимизмом в будущее.

А. Совин, поэт, музыкант, сотрудник института промышленного дизайна Минстроя. Заметка в Вечернем Гудке, от 22 июля 78г. Молодые специалисты идут в жизнь.

– Прошло три года, с того момента, как мы вышли из института. Впереди тогда нам казалось, будет всё хорошо, нас ждёт открытый мир, где мы будем изменять окружающий мир. А мы оказались просто очередными винтиками. Это сильно нас осадило. После Вильнюса, после победы над взрослыми дядьками из Минска и модными парнями из Праги, мы готовы были к новым испытаниям. Но больше нас никуда не звали, а мы сколько не писали, звонили, отсылали телеграммы, не получали ответа. Нас просто вычеркнули из списка ВИА. Даже млад-

шие, шедшие после нас, Арбитр и Походы, уже приглашали в Москву, в Тбилиси. Нас же все забыли. Попытка рассылать кассеты с записями провалилась. После первой крупной рассылки по всему Союзу, ко мне, я тогда отсылал большую партию с Главпочтамта, пришли товарищи в штатском. Отвезли на Толмачева 2. В Серый Замок, как у нас называли эту контор глубокого бурения местного масштаба. Долго меня вежливо допрашивал человек, по фамилии Гасанов. Ни звания, ни отчества я не помню, помню только яркий кавказский образ, акцент и фамилию. Хотя кроме этого, мне ничего не предъявили, не выписали штраф. Но каждый раз вот так проводить своё время мне не хотелось. А на следующее утро я узнал, когда пришёл на работу, что к Сане тоже приходили.

– Привет. К тебе приходили?

– Привет, Сова. Не просто приходили, а пригласили в Серый Замок.

Он замолчал, помрачнел, и стал нервно затягиваться. Затем понизив голос сказал.

– Меня вызвал сначала Селифанов, наш первач. Потом позвонили из института, где работал отец, пригласили для какой-то экспертизы. Ну, я отпросился, вышел, добежал за минут двадцать до Кузнечной. Иногда отец просил меня забрать какие-то материалы, чтобы немного дать мне поработать над чем-то интересным. Всё делалось официально, просто его начальник, Гошман, относился к этому спокойно, полагая, что свой человек в министерском подчинении ему не помешает. Прихожу я туда, а там отец бледный стоит, Гошман потом исходит и трясётся, и три человека стоят. Один сразу ко мне, с улыбкой, протягивает бандероль и с ухмылочкой такой спрашивает – Это ваше? Вы отсылали? Ни здрасте, ни представиться, а сразу в карьер.

– А что, нельзя что ли? Да и чего такого? Меня вон вызвали, но ничего не сделали.

Я рассказал вкратце, своё приключение, или скорее бездельное времяпровождение. Он слушал внимательно, нервно курил, молчал. А когда я закончил, он сиплым голосом и говорит.

– Мне же сказали, что могут отца уволить. Что он использовал служебное положение, предоставил мне доступ к секретной аппаратуре. Секретной! Кассетник и плоттер у них секретная аппаратура! Однако из-за меня у отца неприятности. Его могут снять и даже уволить по статье.

– Да что мы такого сделали?! Кто им дал право?! Надо жаловаться Андрею Никитычу!

Тут надо сделать небольшое отступление, Андрей Никитыч был знаком с отцом Совы с неизвестно какого возраста. В то время он был депутатом в Совете, и был техническим директором на Химпроме. И при небольших проблемах всегда кто мог, звонил ему, и он по мере возможности помогал просившим, совершенно бесплатно. Но Сова покачал головой и сказал вот такую фразу, что я сразу подумал, тут дело нечистое.

– Этот криворотый меня в сторону отвёл, под локоток и так доверительно добавил, понизив голос. Не советую вам звонить товарищу Кучкину, мало вам проблем, которые вы устроили вашему отцу и его начальнику, вы ещё и депутата Совета под статью подвести хотите? Так и сказал, под статью! Скажи, Серёга, что мы такое сделали?!

– Да ничего мы такого не сделали! Это всё происки врагов!

– А кто у нас враг? – Саня спросил тихо и так спокойно, что я вдруг задумался и единственное имя которое всплыло, это имя того импозантного и звездного столичного барина, с которым мы пересеклись тогда, в Вильнюсе.

– Гога. – Мы почти одновременно произнесли его, и уставились друг на друга, а потом залились смехом.

Отсмеявшись и вытерев слёзы, мы задумались, что делать. Но сколько не думали, ничего придумать не могли. Оставался один старый проверенный способ, передача кассет лично в руки людям, кто вхож в столичную тусовку музыкального андеграунда. На том и остановились, решив собраться в тот же вечер у Борьки. Он жил совсем рядом с домом родителей Совы, да и моим тоже, кроме того, остальным членам команды не надо было далеко ехать, возле его

дома была троллейбусная остановка, откуда можно было уехать, куда надо всем – на север, запад, юг.

Созвонившись со всему заинтересованными лицами, я погрузился в работу, уже и не помню, что там делал. Сова пару раз мне попадался в тот день, но мы даже не разговаривали, погружённые каждый в свои проблемы. Вечером я немного задержался, и когда выходил через проходную, оказалось, что Совин А. покинул здание. Мне пришлось вприпрыжку бежать под дождём, зонта нет, куртка летняя, и пока я добрался до нужного дома, весь промок. Остальные были в сборе, Борька не стал выделяться, позволил пойти в ванну, нарыл что-то из своего одеяния, с обязательным условием вернуть всё завтра вечером. Я согласился, хотя хотел напомнить, как Борька так и не отдал мне японский фотоаппарат, пока я не припёр его к стенке. Когда же он вернул мне его, оказалось, внутри была плёнка. Из чистого любопытства я решил проявить её, после чего узнал много нового из жизни не только Борьки, но и одной весьма строгой дамы из городской администрации. Была там ещё какая-то тёлка, но мне совершенно не знакомая.

Когда я вышел, одевшись в одеяния, принесённые мне в ванну женой Борьки, снова беременной, в большой комнате разгорелся спор. Все были на взводе, Борька виновато молчал, Саня зло ходил туда-сюда. Слова взял Мамаев Петька.

– Помяните моё слово, мужики, всё, что вы пытаетесь сейчас сделать – полная утопия! Против системы не пойдёшь! Вот что ты предлагаешь им всем, Саня?

– Надо послать официальный запрос в министерство культуры и в КГБ! Пусть дадут справку на гербовой печати, что мы запрещены, тогда и будем расходиться. Или не расходиться. Но вот так нельзя! Это противозаконно!

Борька заржал, но тут же себя оборвал. Встал Антон Мелюзко, Тоша, новый участник нашего кавардака и сказал, слегка запинаясь.

– Парни, я вот-т, что д-думаю! Н-надо прост-о на в-время прекрат-тить всячес-ское м-музыкальное действо! И т-тогда от-станут!

– Не-а. не отстанут. Они же не сами по себе прицепились, их из Москвы пинают. А в Москве пинает кто-то из высшего руководства. Кто там ходит в любимчиках, не Гога слушаем? Пока он в фаворе – нам надеяться на что-то бесполезно!

Боб был прав, а мы только скрипели зубами. Тогда подал голос обычно молчавший Бусак. Он имел внешность Джорджа Харрисона и повадки Леннона. Однако ударник был что надо. И умный.

– Я думаю, надо составить некий план действий на два месяца. Все присутствующие должны будут подписать его, либо уйти из группы. Смысл плана в том, чтобы не обращать внимания на погоны, а начать заниматься созданием полноценного альбома. У нас порядка тридцати композиций, а пишем что найдём. Ну куда это годиться? Можно записать на теле-радиоцентре альбомчик, они даже бабок всяких пускаю, и пионеров с их визжащими головами. Надо только выбрать нейтральные, не опасные треки. Потом, через нашу киностудию сделаем короткометражку, из жизни инженеров и архитекторов, которые играют музыку для себя. У них выпускники журфака так дипломы делают. И снимем маленький фильм, нашу Пусть будет так! Ну, кто против, кто за?

Все стали усиленно обдумывать его план, который при вроде бы простоте своей имел неприятные подводные камни. Как всем собраться вместе да ещё на несколько часов? И как уломать трусливых молодых журналюг, что с нами можно работать? Что никто их за это в Гаринские болота не сошлёт, вести учёт трудовых будней колхоза имени Калинина, а в промежутках писать за местного райкомовца нудные тексты партийного назначения. Сова подумал, и встал, вышел на середину комнаты и сказал.

– Мысль интересная, но сырая. Кроме альбома и фильма, надо ещё добавить такой пункт твоего плана. Кто-то должен запустить сеть в столицу, процедить слухи, найти, наконец, кого-то, кто может помочь обойти нашего недоброжелателя.

Иваницкий с торжественным видом обещал всем нам, что берёт эту часть на себя, уповая на своего дядю. Кроме того, он мимоходом добавил, что неплохо бы начать гастролировать, деньги зарабатывать. Мы недоумённо уставились на него, а Бориска тут и погнал лошадей.

– Вот ты, Саня, сколько зарабатываешь в своём институте?

– Во всяком случае, больше, чем ты в своём комбинате.

– Ха! Намёк понял, не баянист, два раза повторять не следует. Уши имею и серое вещество между ними.

– Чего ты тут баянистов хаешь?! – Подал голос Застыра. Он хотя и ушёл из группы, но по такому случаю припёрся, как и Мамаев. Всё же три года своей жизни они отдали группам в институте.

– Ладно, ладно. Не балалаечник. Балалаечников тут нет, надеюсь? Вот и славно! Так вот, я работаю в этом сраном комбинате лишь для видимости! Директор списывает мою зарплату себе, вот и всё!

– А на что же ты живёшь? – Удивился Саня. Он-то точно не подрабатывал левыми заказами. Борька самодовольно хмыкнул и вынул из пиджака, который был на мне пачку трёшек. Все замолчали, даже жена Борьки. Она как раз принесла чайник и торт, купленный Застырой. Впрочем, она же первая голос и подала.

– Вот ты гад подлый! А у отца клянчил сотню, чтобы отдать за сервант!

– Успокойся, милая! Всё будет в порядке. И отцу отдам всё, и всё остальное оплачу. Только не мешай, хорошо? Так вот, есть у меня идея, от которой у вас ноги подкосит! Все сидите на своих местах?

Поскольку его трёп уже всем надоел, Мамаев как бы между делом слегка ткнул его своим кулаком. Мелюзко хихикнул, поправил очки, и стал разминать пальцы, он в отсутствие Петьки на клавишные засел. Борька с видом оскорблённого достоинства брезгливо отодвинулся от Петьки, от которого и в самом деле разило перегаром.

– Значит тут собрались одни мужланы и хамы?

– А меня ты к кому отнесёшь, дорогой?

– Тебя моя милая я отнесу на пьедестал из золота! Ты же моя краля, птица моя ненаглядная, зайка пушистая, птенчик золотая! Иди к ребёнку, мужчинам надо поговорить?

– Опять про баб, что ли? Я думала, ты на самом деле что-то выдающееся сделал, нашёл, как заработать. А ты выходит только с богатой бабой подсутился! Альфонс, примак! – Жена его скривила лицо в гримасе неприязни, но вышла из комнаты, хлопнув дверью. Борька победоносно оглядел нас.

– Видели? Вот как я их! – Он сделал неприличный жест рукой и встал на середину. И в самом деле, его удивительная популярность у женщин была просто притчей во всём городе. Как-то ещё на первом курсе он умудрился за один день познакомиться, пригласить и полюбить сразу двух женщин. Одна оказалась женой профкома, вторая – врачом нашей поликлиники. Но в тот момент наши умы, серьёзно искалеченные поисками денег, с вниманием устремились на руки нашего дон Жуана. Тот же убрал деньги в тот самый пиджак, что был мне выдан, словно говоря, что он всем доверяет.

– Так вот, парни, есть предложение заработать кучу денег! Надо сыграть тридцать концертов, будем лабать по городам и весям нашей необъятной, и когда...

– У меня уже отпуск отгулян. Ладно, ты у нас специалист высокого профиля, на работе никому не нужен, кроме твоего взяточника-начальника, но у нас нет свободного времени!

– Не бойся, старик! Всё продумано! Ты можешь взять отпуск за свой счёт!

– Не более раза в год. Забыл, что мы не в ДРСУ работаем! – Саня никак не мог вникнуть, хотя остальные, даже я, уже понимали схему Борьки.

– Старик, сколько у тебя есть тяжёлой работы? Трудной, многодневной? Тебе обязательно её творить только на работе? Домой ты не можешь её брать? Это же не ДСП!

– Но... – Саня запнулся, и уставился на Иваницкого. Тот торжествовал.

– Значит, то, что не требует особых навыков, скидываем через меня! Я нахожу вам опытных и голодных сотрудников, они выполняют черновую работу, а вам останется только сделать отчёт, окончательный, можно и без вас даже его сделать. Но всё упирается в цену. На первый раз попытайтесь объяснить руководству, что неплохо бы дать вам возможность выступить перед студенческими отрядами на стройках века! А работать можно и в поездке. Что, ваш Зинок не пустит что ли сопляков?

Мы переглянулись, в общем-то Сергей Павлович был человек неплохой, но не все работали в институте. И тут Иваницкий применил тяжёлую артиллерию.

– Я сумею договориться с одним стариканом, славным малым, директором механического завода, трёшки, с Арутюновичем, у меня есть связи, через его невестку, Ирку. Очень хорошая связь!

Мы промолчали, поскольку в устах Борьки связь через невестку звучала как-то слишком двусмысленно. Уж для меня, увидевшего его выкрутасы на той злополучной плёнке точно всё было ужасно. Я представил Ашота Арутюновича Чакабаляна, седого и щуплого старика, голого и Нет, одно только видение голого Чакабаляна ввело меня в ступор. А уж про роль Борьки и связи с ним и думать не хотелось! У остальных видимо картины были не лучше. Борька вроде и не замечал наших настороженных взглядов. Продолжая трещать про открывающиеся возможности работы над созданием филиала механического в Красном, он немного отвлекся от основной темы нашего внепланового заседания. Я ему напомнил, что его слегка вывело из нормального состояния.

– Что? Ах, да! М-м-м. Так вот, мы работаем над планом филиала, договор заключит завод с институтом завтра, обещаю. И уедем на месяц на вольные пастбища, где ходят молоденькие....

– Ближе к делу. – Мамаев был пьян, зол, хотел спать, и ему было совершенно не интересно узнать, что Борька будет делать с молоденькими кем-то там.

– Да-да, вы правы, меня немного занесло. Так вот, мы работаем месяц, может меньше, и вы сможете заработать столько же, сколько за год не заработаете на своих пыльных ватманах и кульманах! Все ваши желания будут материализованы!

– Сколько, дорогая наша фея? – Застыра был предельно прост в своих желаниях, и имел приземлённые понятия о богатстве.

– По семь сотен на каждого. Питание и проживание, транспорт сюда не входит. Это за счёт организаторов.

Мы задумались. И с одной стороны хотелось оторваться от серости, наконец, поиграть властью, не зависеть от настроения жены, от наличия денег в карманах. Но с другой, Борька это Борька, он может любую хорошую идею провалить на этапе планирования. И мы это тоже очень хорошо знали. И его попытку срубить денег с Гоги тоже не забыли. Саня сумрачно почесал лоб, и сказал.

– Я-то ладно, благодаря тебе жены нет. Но у остальных есть семьи, дети. Как им всё бросить, поехать неизвестно куда? Как это будет выглядеть?

– Как попытка заработать семье на достойную жизнь! Ты пойми, вы же тут быстро сгниёте, в своих пыльных кабинетах.

– А что там с филиалом? – Бусаков хотел иметь твёрдый тыл, не желал идти, как Борька через болото с завязанными глазами и без шеста. Борька фыркнул, и махнул рукой.

– На проект необходимо минимум три года, сам понимаешь. А за это время что-нибудь успеем сделать. Если сильно прижмёт, то воспользуемся каким-нибудь готовым проектом! Только топографическую съёмку провести, там привязку сделать, разнести сеть, или как это называется....

– Ты же у нас дипломированный специалист, а имеешь такие отвлечённые знания об этапах проектирования и строительства.

– Да тебе то, что от этого, Бусаков?! Твои что ли рубли тратятся?! Завод тоже заинтересован, чтобы у него был филиал, это вызывает у них особенный денежный приток из министерства! Вот наш Арутюныч и задумал давно уже, года два носится с идеей построить филиал где-нибудь не очень далеко, но не в городе. Чтобы подольше строилось, не сразу в строй пустили. Понимаешь?

– Взятчик и растратчик твой Арутюныч! – Саня в гневе поднялся со своего места. – Мой отец столько занимался проектированием малых предприятий металлургии, беспокоясь за каждую сотню рублей, хотя там стройки на сотни тысяч велись! А этот делец желает построить потемкинскую деревню, и наварить на этом денег! И ты помогаешь ему в этом?!

– Тихо, за стенкой бабка живёт, бывшая энкаведешница! Вдруг услышит! Ещё донесёт... Ну, я вам предложил, а ваше дело решать, поступать так или нет! Думайте до завтрашнего утра, мне с Арутюнычем встречаться в девять! Ещё вопросы есть? Нет? Заседание объявляю закрытым!

– Это я ещё посмотрю, закрытое оно или открытое. Ты почему тут распоряжаешься? – Петька, когда злился, становился действительно опасным, а тут ещё и алкоголь в крови. Я напрягся, готовый броситься ему наперехват, пока он не свалил Борьку. Борька же обладая какой-то мистической способностью предсказывать развитие событий в отношении своей особы, тут же немного отступил назад и стал почти уговаривать разгорячившегося от алкоголя и ярости коллегу.

– Петька, успокойся! Если ты желаешь и дальше тянуть резину, пожалуйста! Но только помни, резина иногда рвётся от сильного напряжения! Проверено опытом!

Он с гордостью осмотрел нас, но поскольку никто не проявил никаких поползновений на его место, вздохнул, потёр руки и продолжил уже почти нормальным тоном, словно ему и самому это было всё противно.

– Парни, поймите, если не вас наймёт этот орёл молодой, то кто знает, что там выйдет из всей затеи! Вы же специалисты! Знаете много, вон головы какие! А деньги между прочим большие!

– Кто как знает, как ему сердце велит, пускай так и поступает. Я же не буду участвовать в твоей аванюре! – Саня встал, зевнул, и оглянув нас, сказал более миролюбиво. – Завтра у Зенохи порошу возможности работать в поездке, если отпустит – поеду. Если же нет, ищите кого-то другого. Можете Мурома позвать. Прости, не подумал, Петь! Ладно, до завтра, други, товарищи!

И ушёл, а мы остались обдумывать наше будущее. Обдумывание затянулось до утра. В конце концов, когда солнце стало блеснуть над шпилем администрации, даже Петька устало махнул рукой.

– Ладно! Давай свой проект! Возьмём тот, Серёга, как его, ну, на Буталиновке делали вы с казанскими. Там ещё и наш Пал Натаныч какого-то лешего студиозов притащил на стройку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.